

Хайс Кесслер

Lewis H. Siegelbaum and Leslie Page Moch. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. 440 pp. ISBN 978-0-8014-5333-5.

Gijs Kessler. Address for correspondence: PO Box 2169, 1000 CD Amsterdam, Netherlands. gke@iisg.nl.

Книга Льюиса Сигельбаума и Лесли Пейдж Мок «Широка страна моя родная» предлагает вниманию читателя самый исчерпывающий из когда-либо выходивших на русском или английском языках обзор миграционных процессов в России XX века. Книга появилась одновременно с первыми попытками количественной оценки миграционных потоков в России, опубликованными в том же 2014 году, но, в отличие от них, основывается на качественном подходе к изучению феномена и концентрируется на изучении опыта людей, непосредственно включенных в эти процессы (Lucassen and Lucassen 2014; Kessler 2014). Анализ Сигельбаума и Мок подтверждает результаты, полученные количественным методом: миграция играла ключевую роль в истории России XX века. Масштабы миграции были столь велики, что затронули не только судьбы преобладающего большинства населения, но и имели ключевое значение для развития страны, установления системы государственного управления и формирования общества в целом. Широко распространенные представления об ограниченной географической мобильности в России после прочтения этой книги должны окончательно рассеяться.

Совместная работа Сигельбаума и Мок примечательна тем, что соединяет две дисциплины. Льюис Сигельбаум – специалист по рабочей и социальной истории России и Советского Союза, а Лесли Пейдж Мок – автор многочисленных работ в области истории миграции. Их общий проект направлен на сближение этих двух дисциплин, взаимное укрепление аналитического потенциала. Подходы из области истории миграции заложены в первую очередь в самой структуре книги, основанной на типологии миграции, разработанной еще много лет назад социологом Чарльзом Тилли (Tilly 1978, 1990). Дополненная Сигельбаумом и Мок, типология различает восемь типов мигрантов и миграции, каждому из которых в книге посвящена отдельная глава: переселение, сезонная миграция, миграция в города, служебная миграция, военная миграция, беженцы и эвакуированные, депортации, кочевники и странствующие.

В работе широко привлекаются личные свидетельства – «голоса мигрантов», собранные как по опубликованным источникам (аналитические публикации по теме, воспоминания), так и из архивных документов, интервью и т.д. Этот подход позволяет максимально раскрыть опыт миграции, придает миграционным процессам человеческое лицо и представляет читателю то, что авторы обозначают термином «миграционные репертуары». Слово «репертуары» в этой аналитической концепции относится к различным поведенческим практикам или миграционным

стратегиям – всему тому, что на английском обозначается трудно поддающимся адекватному переводу термином *agency*.

Agency буквально означает «действие» или «деятельность» и касается роли человека во взаимодействии со «структурой» или совокупностью институтов, его окружающих (MacRaild and Taylor 2005:80–117). Авторы противопоставляют миграционные репертуары государственной политике в области миграции; главный их аргумент заключается в том, что миграционный процесс и миграционные потоки формируются в процессе взаимодействия между этими двумя векторами: человеком – с одной и государством – с другой стороны.

Первая глава посвящена наиболее известной форме миграции в истории России XIX и XX веков – переселению крестьян из европейской части России за Урал и колонизации Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Переселение поощрялось сначала царским, а затем и советским правительством, но зависело в первую очередь от инициативы самих крестьян. С 1885 по 1913 год свыше 5 млн крестьян переселились за Урал, часть из них – получая при этом льготы и логистическую поддержку, предоставленную правительством, но в основном все же переселялись, используя собственные средства и ресурсы. Из этих 5 млн многие не закрепились в новых местах поселения: цифры точно не известны, но все же весьма большая доля переселенцев не выдержала и вернулась в родные края, нередко – полностью разоренными. В советское время переселение больше никогда не имело такого размаха, но продержалось вплоть до кампании по освоению целины в хрущевское время.

Сезонная миграция являлась массовым явлением в России вплоть до 1930-х годов. Это было связано с сезонностью производства во многих отраслях экономики, а также с тем, что крестьяне-мигранты (отходники), как и всюду в других странах, сохраняли обширные связи с деревней, куда возвращались в старости или в случае потери работоспособности и безработицы. Сезонная миграция значительно снизилась в связи с индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства в 1930-е годы, но продолжала существовать на протяжении всего советского периода в виде так называемого шабашничества и, наконец, вновь получила распространение среди трудовых мигрантов в современной России.

Миграция в города регулировалась государством на протяжении практически всего рассматриваемого в книге периода. В царской России паспорта прикрепляли крестьян к земле в связи с системой налогообложения и призыва на военную службу, советская паспортная система накладывала ограничения на пропуск в целом ряде городов, частично эти ограничения сохраняются до сих пор. Несмотря на это, население городов росло за счет миграции на протяжении всего XX века и особенно сильно – после коллективизации 1930-х годов. Усиленная миграция из сельской местности в города в течение нескольких десятилетий привела к стремительному сокращению сельского населения вплоть до опустошения «бесперспективных» районов и деревень.

Термином «служебная миграция» авторы обозначают формы миграции, в которых инициатива исходит не столько от самих мигрантов, сколько от организаций, которые перемещают их для решения ведомственных задач. В соответствии

щей главе они рассматривают формы служебной миграции, связанных с решением государственных задач в двух областях: управление сельскохозяйственным производством и охрана, лагерное и тюремное управление. Параллельно с переселением крестьян за Урал с конца XIX века государство (и в дореволюционный, и в советский период) направляло агрономов и управленцев для содействия освоению этих регионов. С самого начала это осуществлялось частично за счет ссыльных и использования труда заключенных, особенно широко – в системе ГУЛАГа в сталинское время. Для охраны лагерей и конвоирования заключенных в этих малонаселенных краях требовалось большое количество персонала, который рекрутировали в основном в других частях страны.

Самые масштабные миграционные потоки в XX веке связаны с войнами. Миллионы людей были призваны на военную службу и переброшены из одних частей страны в другие. Кроме того, военные действия непосредственно вызвали потоки беженцев и эвакуированных, перемещавшихся на большие расстояния и на длительные сроки. Во многом именно за счет этих двух форм миграции первая половина XX века в России отличается особенно высоким коэффициентом миграционной деятельности.

Из различных форм принудительной миграции авторы подробно рассматривают депортацию. Практика депортации была распространена и в дореволюционной России (ссылка в отдаленные места, преимущественно за Урал), но массовый характер она приобретает в советское (и особенно сталинское) время. Депортации стали стандартным карательным инструментом советского государства начиная со времен Гражданской войны, они были частью политики коллективизации и широко применялись против «нелояльных», в глазах режима, национальностей в военные и послевоенные годы. Со смертью Иосифа Сталина эта форма миграции прекращает свое существование, но миллионы депортированных остаются в местах принудительного поселения вплоть до конца советского периода.

Наконец, в последней главе рассматриваются виды миграций, не предполагающие поселения в новых местах обитания, – кочевничество и бродяжничество.

Систематический подход книги имеет свои преимущества и недостатки. Главное преимущество заключается не столько в исследовании разных аспектов изучаемого феномена, сколько в аналитической полноте. Включение в анализ тех видов географической мобильности, которые чаще всего не рассматриваются как миграция (например, мобилизации, военной и служебной миграции) подчеркивает системный характер миграции и привлекает внимание к соединению различных форм миграции, нередко переходящих одна в другую, когда речь идет о судьбе конкретного человека. В то же время подробное описание многочисленных миграционных потоков, особенно в сочетании с методом представления их через личные свидетельства, перегружает читателя и идет в ущерб целостности анализа. Вероятно, этого можно было бы избежать, дополнив работу обобщающими диаграммами и более развернутой заключительной главой.

Как бы то ни было, главное достоинство этой работы заключается именно в ее систематическом подходе, позволяющем авторам выявить центральное место миграции в истории России XX века. При этом она значительно дополняет существую-

ющие работы о миграции в России, посвященные преимущественно депортациям, ссылке и другим видам принудительной миграции. Несмотря на широкое использование государством принудительных форм перемещения и перераспределения населения, книга привлекает внимание тем, что миграционные репертуары населения имели также определяющее значение для направленности и формирования миграционных потоков в стране. Богатство и разнообразие представленного материала дает возможность использовать эту монографию и в качестве материала для курсов по истории миграции и истории России в XX веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Kessler, Gijss. 2014. "Measuring Migration in Russia: A Perspective of Empire, 1500–1900." Pp. 71–88 in *Globalising Migration History: The Eurasian Experience (16th–21st Centuries)*, edited by Jan Lucassen and Leo Lucassen. Leiden, Netherlands: Brill.
- Lucassen, Jan, and Leo Lucassen. 2014. "Measuring and Quantifying Cross-Cultural Migrations: An Introduction." Pp. 3–54 in *Globalising Migration History: The Eurasian Experience (16th–21st Centuries)*, edited by Jan Lucassen and Leo Lucassen. Leiden, Netherlands: Brill.
- MacRaild, Donald M., and Avram Taylor. 2005. *Social Theory and Social History*. New York: Palgrave Macmillan.
- Tilly, Charles. 1978. "Migration in Modern European History." Pp. 48–72 in *Human Migration: Patterns and Policies*, edited by William McNeill and Ruth S. Adams. Bloomington: Indiana University Press.
- Tilly, Charles. 1990. "Transplanted Networks." Pp. 79–95 in *Immigration Reconsidered: History, Sociology, and Politics*, edited by Virginia Yans-McLaughlin. New York: Oxford University Press.